
Юлий Люцифер
Принцесса-попаданка
Отвергнутая отцом

Юлий Люцифер

Принцесса-попаданка. Отвергнутая отцом

https://litres.ru/74805519

Аннотация

Я умерла в одном мире, чтобы очнуться в другом — в теле принцессы, которую родной отец предпочел забыть. Во дворце, где роскошь пахнет холодом, а улыбки прячут яд, меня считают ошибкой короны, лишней дочерью и удобной тенью, которую можно унижать, прятать и однажды выгодно отдать в чужие руки.

Но чем дольше я живу под именем отвергнутой принцессы, тем яснее понимаю: меня боялись не из-за слабости. Во мне спрятано то, что может разрушить привычный порядок, вскрыть старые тайны и заставить сам трон дрогнуть.

Мой отец-король смотрит на меня так, будто я его самый опасный секрет. Двор мечтает, чтобы я снова стала тихой и покорной. А мужчина, которого называют тенью трона, слишком внимательно следит за каждым моим шагом, будто уже понял: удобной принцессы из меня не выйдет.

Теперь мне придется выжить среди интриг, узнать, кто и за что уничтожил мою мать, понять, почему меня отвергли задолго до моего рождения, и решить, что важнее — наконец заслужить

любовь отца или забрать у этого дворца свое имя, свою силу и свою судьбу.

Потому что иногда отвергнутая принцесса — это не слабое звено династии.Это ее будущая катастрофа.

Содержание

Глава 1. Я очнулась в теле принцессы, которую родной отец предпочитал не замечать 5
Глава 2. В день моего возвращения ко двору король посмотрел на меня так, будто я была его старой ошибкой 14
Глава 3. Меня пригласили на семейный ужин только для того, чтобы напо 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глава 1. Я очнулась в теле принцессы, которую родной отец предпочитал не замечать

Я поняла, что умерла, не сразу. Сначала решила, что просто выныриваю из тяжелого сна, где тело не слушается, а воздух приходится вытаскивать из густой темноты вместе с болью. Но слишком многое было чужим. Простыни под ладонями были гладкими и холодными, пахло воском, сыростью камня и горькими травами, а тишина вокруг стояла такая, будто за стенами не дом, а огромный дворец, в котором даже люди боятся шуметь.

Я открыла глаза и уставилась в высокий потолок с блеклой росписью. Не больница. Не моя квартира. Не моя жизнь. Над кроватью висел тяжелый полог, у стены темнел резной шкаф, на столике блестел серебряный кувшин, а узкое окно выпускало в комнату серый утренний свет. Я резко села и тут же зажмурилась: голову сдавило так, будто в виски вогнали железо.

— Госпожа…

Голос прозвучал справа. Я повернула голову и увидела девушку в темном платье с белым воротником. Она смотрела на меня так, будто увидела не выздоровление, а нечто куда более опасное.

— Вы… очнулись?

Я моргнула, пытаясь понять, кто она и почему зовет меня так, будто я ей хозяйка. Хотела спросить, где я, но вместо этого хрипло выдавила:

— Воды.

Она бросилась к столику с такой поспешностью, будто я могла передумать и снова умереть. Это ощущение было настолько диким, что я взяла кубок почти машинально. Вода оказалась холодной, с металлическим привкусом. Пальцы, сжимавшие серебро, были не мои. Слишком тонкие, слишком светлые, с длинными ногтями и узкой кистью, в которой не было ничего знакомого. Я уставилась на свою руку и почувствовала, как внутри все проваливается вниз.

— Что со мной? — спросила я тише.

Девушка побледнела.

— Лекарь велел не тревожить вас, ваше высочество.

Ваше высочество.

Эти два слова ударили сильнее боли. Я медленно подняла глаза на служанку, потом снова на свою руку. Потом откинула одеяло. Тонкая сорочка из молочного шелка, чужое тело, слишком узкие щиколотки, слишком хрупкие колени. Я встала с кровати и едва не рухнула — ноги были ватными, словно эта девушка долго лежала без сил. Служанка вскрикнула и шагнула ко мне, но я отстранилась.

— Зеркало.

— Госпожа, вам нельзя…

— Зеркало.

Она подчинилась. Взяла с туалетного столика овальное зеркало в серебряной оправе и протянула мне так осторожно, будто вручала приговор. Я посмотрела — и на несколько секунд перестала дышать.

На меня смотрела незнакомка. Молодая. Красивая. Слишком бледная, с большими темными глазами и длинными каштановыми волосами, спутанными после сна. Лицо было тонким, почти прозрачным, с тем выражением слабости, которое не появляется за одну ночь. Но дело было не в красоте и не в болезненной утонченности. Это была не я. Совсем не я.

Зеркало дрогнуло в пальцах.

— Как меня зовут?

Служанка уставилась так, будто я произнесла не вопрос, а богохульство.

— Ваше высочество…

— Имя.

— Принцесса Аделина Эстэр.

Мир качнулся еще раз, только теперь уже без боли. Аделина Эстэр. Принцесса. Либо я сошла с ума, либо умерла и очнулась в чужом теле. Второе почему-то пугало меньше — может, потому что все вокруг было слишком цельным для бреда. Холод пола под босыми ступнями, тяжесть волос на спине, страх в глазах служанки, слишком настоящая слабость в этом новом теле. Так галлюцинации не работают.

Я подошла к окну и раздвинула тяжелую портьеру. За стеклом под серым небом поднимались башни. Острые крыши, каменные переходы, внутренний двор, стража у ворот, черные флаги с серебряным гербом. Не декорация. Не сон. Настоящий дворец.

— Что случилось с принцессой? — спросила я, не оборачиваясь.

Служанка слишком долго молчала.

— Вы были больны.

— Чем?

— Все говорили разное.

Я усмехнулась. Даже здесь ложь звучала одинаково — слишком мягко, слишком осторожно.

— А теперь скажи правду.

— Я не знаю всей правды, ваше высочество, — шепнула она. — Только то, что вы долго не вставали. И что во дворце уже почти перестали ждать, что вы откроете глаза.

Почти перестали ждать. Какая трогательная формулировка для места, где, кажется, уже приготовились к удобной смерти.

Я снова посмотрела в окно. Во дворе двигались слуги. Где-то внизу проехала карета. Дворец жил своей жизнью, и в этой жизни мое пробуждение явно не было радостью. Скорее проблемой.

— Как тебя зовут?

— Элиса.

— Элиса, — повторила я. — Кто приходит сюда без стука?

Она растерялась.

— Простите?

— Кто имеет право входить в комнаты принцессы так, будто она уже вещь, а не человек?

Элиса заметно побледнела.

— Ее величество королева. Главный лекарь. Иногда советник Тольд. И…

— И?

— По приказу короля сюда могут войти все, кого он сочтет нужным прислать.

Я медленно обернулась. Вот оно. Главное. Не забота. Не участие. Право. Даже в собственных покоях у принцессы нет границ, если так велит король.

— Король часто вспоминал о своей дочери, пока она умирала? — спросила я.

Элиса опустила глаза так резко, будто за сам взгляд ей могли отрубить голову.

И этого молчания мне хватило.

Не надо было объяснений. Я слишком хорошо знала такие паузы. И в прежней жизни мужчины тоже умели делать вид, что не причиняют боли, если причиняют ее достаточно спокойно. Здесь все было даже чище. Не ненависть. Не скандал. Просто вычеркивание. Дочь существовала где-то на краю дворца, пока не мешала.

Во мне поднялась холодная, очень ясная злость. Не исте-

рическая, не слезливая. Та, которая приходит, когда вдруг слишком многое становится понятным без слов.

— Принесешь мне одежду, — сказала я. — Нормальную. Не траур для живой покойницы.

Элиса вздрогнула и быстро кивнула.

— Да, ваше высочество.

— И еще одно. С этого момента, если кто-то захочет войти сюда, ты сначала скажешь мне его имя.

— Но если это приказ…

— Я сказала: сначала имя.

Она посмотрела на меня уже иначе. Не просто как на больную госпожу, неожиданно открывшую глаза, а как на кого-то, кто проснулся не только телом.

Когда Элиса вышла, я снова повернулась к зеркалу. Принцесса Аделина смотрела на меня настороженно и устало. У нее были красивые губы, тонкая шея и тот вид хрупкости, который мужчины любят путать с беспомощностью. Но в глазах, если смотреть внимательно, уже проступало что-то новое. Не ее прежнее. Мое.

Я медленно коснулась пальцами своего — теперь уже своего — лица.

— Ладно, Аделина, — тихо сказала я отражению. — Похоже, нас обеих здесь не очень ждали.

За дверью послышались шаги. Тяжелые, мужские, уверенные. Не торопливые, не суетливые — такие шаги бывают у людей, которые давно привыкли, что им открывают без во-

просов. Я не успела ничего спросить, как дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий мужчина в темном мундире. Лет тридцать пять, может чуть больше. Широкие плечи, жесткое лицо, короткие темные волосы, взгляд человека, который редко ошибается в людях и еще реже прощает ошибки. В нем не было ничего нарядного, ничего придворно-мягкого. Он выглядел как опасность, которую научили стоять прямо и молчать.

За его спиной мелькнула побледневшая Элиса, явно не сумевшая его остановить.

— Ваше высочество, — произнес он ровно.

Низкий голос, спокойный тон. Слишком спокойный для человека, который вошел в спальню принцессы без разрешения.

— А вы, видимо, один из тех, кому не надо стучать, — ответила я.

В его взгляде что-то едва заметно изменилось. Не удивление. Скорее интерес.

— Рад видеть, что вы пришли в себя.

— Не могу сказать того же о вас, пока не знаю, кто вы.

Он сделал несколько шагов вперед. Без суеты, без поклона, который что-то значил бы, без попытки понравиться.

— Кайрен Вальд. Командующий королевской стражей.

Имя ничего мне не говорило, но Элиса за его спиной побледнела еще сильнее. Значит, фигура важная. И опасная.

— Тогда, командующий Вальд, — сказала я, — в следующий раз вы войдете после стука.

Уголок его рта дрогнул так быстро, что это почти можно было принять за игру света.

— Боюсь, во дворце не всегда получается соблюдать приличия.

— А я, боюсь, только проснулась и еще не успела полюбить местные привычки.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Очень внимательно. Слишком внимательно для человека, который пришел справиться о здоровье. Так смотрят, когда сверяют ожидание с реальностью и понимают, что реальность ведет себя не по плану.

— Вам лучше подготовиться, ваше высочество, — сказал он наконец.

— К чему?

— Сегодня вечером король желает видеть вас за семейным ужином.

Вот так. Не отец хочет увидеть дочь, едва не умершую в одиночестве. Король желает видеть. Холодная формулировка прилетела точно в цель, но не ранила. Не успела. Внутри уже было слишком ясно.

Меня не спасли. Меня вернули в игру.

— Передайте королю, что я приду, — сказала я.

Кайрен чуть наклонил голову, все еще не сводя с меня глаз.

— Обязательно.

И только когда он развернулся к двери, я поняла главное: этот мужчина пришел не навестить больную принцессу. Он пришел посмотреть, кто именно открыл глаза в ее теле.

А я, глядя ему вслед, вдруг так же ясно поняла другое: в этом дворце меня действительно предпочитали не замечать. Ровно до тех пор, пока я была тихой, слабой и почти мертвой.

Теперь все изменится.

Глава 2. В день моего возвращения ко двору король посмотрел на меня так, будто я была его старой ошибкой

До вечера я успела понять главное: принцесса Аделина жила не в роскоши, а в красиво оформленной изоляции. Комнаты были большими, дорогими, тихими, но в них не было жизни. Ни цветов, ни книг, ни вышивки, ни писем, ни следов привычек женщины, которая действительно здесь жила, а не медленно исчезала. Даже шкаф оказался полон платьев, выбранных будто не для дочери короля, а для призрака, которого нельзя совсем раздеть перед людьми, но и нарядить по-настоящему тоже нельзя. Светлые, блеклые, почти бесцветные ткани. Ни одного живого оттенка. Ни одной вещи с характером.

Элиса помогала мне одеваться так осторожно, будто боялась не задеть, а разбудить что-то лишнее. Я терпела молча, пока она затягивала шнуровку платья цвета тусклого жемчуга. На прежней мне такой цвет показался бы благородным. На этой Аделине он выглядел как заранее согласие не спорить.

— Есть что-нибудь темнее? — спросила я.

Элиса растерялась.

— Для семейного ужина обычно готовят это платье, ваше высочество.

— Я не спрашивала, что обычно готовят. Я спросила, есть ли что-нибудь темнее.

Она замялась, потом достала из дальнего угла шкафа платье глубокого синего цвета. Скромное, но куда лучше. В нем хотя бы было ощущение, что женщина внутри еще жива.

— Это не надевали уже давно, — тихо сказала она.

— Значит, сегодня самое время.

Когда я переоделась и подошла к зеркалу, отражение стало чуть честнее. Та же хрупкость, та же болезненная бледность, но глаза уже не выглядели пустыми. Я попросила убрать лишние ленты, не трогать волосы слишком старательно и оставить только тонкую заколку. Если этот двор ждал увидеть слабую удобную принцессу, я не собиралась помогать ему врать.

— Расскажи мне про короля, — сказала я, пока Элиса застегивала на запястье тонкий браслет.

Ее пальцы дрогнули.

— Его величество… справедливый правитель.

— Не как для подданных. Как для дочери.

Элиса опустила глаза.

— Его величество редко приглашал вас ко двору.

— Я уже заметила.

— После смерти вашей матери вы почти все время жили

в северном крыле.

— Почти?

— Иногда вас брали на официальные церемонии. Пока вы были совсем маленькой. Потом… реже.

— Почему?

— Мне не положено знать.

Я усмехнулась.

— У вас во дворце у всех удивительно много вещей, которые вам не положено знать.

Элиса промолчала. Я не давила. Иногда молчание полезнее признания — если дать ему полежать, оно начинает пахнуть правдой.

К ужину за мной пришли не раньше, чем за четверть часа до назначенного времени. Не фрейлина, не родственница, не человек, которому положено сопровождать принцессу. Кайрен Вальд. Он стоял у двери так, будто его поставили охранять не коридор, а исход опасной партии.

— Ваше высочество, — произнес он, окинув меня взглядом.

Сегодня в его лице было меньше сухой официальности и больше настороженного внимания. Он заметил платье. И то, что я стояла прямо, тоже заметил.

— Командующий, — ответила я. — Вы снова забыли о такой роскоши, как стук?

— На этот раз я постучал. Ваши двери открыли слишком быстро.

— Значит, у вас здесь дурная репутация. Люди боятся заставлять ждать.

— Иногда это полезно.

— Для вас — возможно.

На одно короткое мгновение мне показалось, что его действительно забавляет моя дерзость. Но только на мгновение. Этот мужчина не производил впечатления человека, который что-либо делает просто так.

— Вам может понадобиться моя помощь, — сказал он, когда мы вышли в коридор.

— На семейном ужине?

— Особенно на семейном ужине.

Вот это уже было интересно.

Мы шли по длинной галерее, где между высокими окнами висели портреты королей и королев. Я шла медленно — не из слабости, а чтобы смотреть. Дворец был великолепен и мертв в своей безупречности. Темный мрамор, серебряные светильники, гобелены со сценами побед, стража у поворотов, слуги, мгновенно опускавшие глаза. Мир, построенный так, чтобы власть чувствовалась даже в воздухе.

На одном из портретов я остановилась. Молодая женщина в темно-зеленом платье смотрела вперед с мягкой, почти печальной гордостью. Ее лицо было слишком похоже на мое новое, чтобы это могло быть совпадением.

— Моя мать? — спросила я.

Кайрен тоже остановился.

— Да.

— Почему ее портрет здесь, а о ней все молчат так, будто она умерла неправильно?

Он перевел на меня взгляд.

— Вы задаете опасные вопросы для первого дня после болезни.

— Я вообще сегодня очень неудобно ожила.

Что-то снова мелькнуло в его лице. Не улыбка. Скорее признание того, что он услышал именно то, что ожидал услышать от кого-то нового, а не от прежней Аделины.

— Во дворце не любят прошлое, которое может испортить настоящее, — сказал он.

— Тогда я определенно не понравлюсь этому месту.

— Я уже понял.

Мы пошли дальше. Перед дверями малого обеденного зала Кайрен остановился.

— Один совет, ваше высочество.

— Всего один?

— Не показывайте им, что вас можно задеть.

Я посмотрела на него.

— А если можно?

— Тогда тем более не показывайте.

Двери открылись прежде, чем я успела ответить.

Семейный ужин оказался именно тем, чем я ожидала: не встречей родных, а камерной демонстрацией расстановки сил. Зал был небольшим, но роскошным, освещенным де-

сятками свечей. На длинном столе серебро и тонкий фарфор блестели так холодно, будто тоже принадлежали не дому, а трону. Во главе сидел король.

Я узнала его сразу, хотя никогда раньше не видела. Высокий, седина только тронула темные волосы на висках, лицо резкое, сухое, слишком собранное для человека, который хоть раз в жизни позволял чувствам победить расчет. Он не был старым. Он был опасно живым и опасно цельным. Рядом с ним сидела королева Илария — красивая, безупречная, с тем гладким выражением лица, за которым обычно прячут яд. Чуть дальше — молодой мужчина лет двадцати пяти, наследный принц Рейнард, в котором отцовская холодность уже успела смешаться с юношеской самоуверенностью.

Когда я вошла, разговор за столом не оборвался резко. Он просто умер, как свеча под пальцами.

Король посмотрел на меня.

И вот тогда я поняла, что страшнее открытой ненависти. Не ярость. Не презрение. Не даже удивление. А это выражение — будто перед ним стояла не дочь, а старая ошибка, о которой неприятно напомнили в неподходящий момент.

— Аделина, — произнес он.

Ни тепла. Ни облегчения. Ни тени отцовского чувства. Только сухая констатация факта: объект жив.

— Ваше величество, — ответила я и присела ровно настолько, насколько требовал этикет.

Я не назвала его отцом. Самой себе удивилась, как легко

это оказалось.

Королева скользнула по мне взглядом, задержавшись на синем платье.

— Мы рады, что ваше здоровье позволило вам присоединиться к нам сегодня.

Ложь прозвучала идеально. Наверное, так и выглядят годы тренировки.

— Ваше величество очень добры, — сказала я.

Рейнард усмехнулся в бокал.

— Сестра сегодня звучит иначе.

— Возможно, болезнь пошла мне на пользу, — ответила я, не глядя на него.

— Или на вред, — лениво заметил он.

— Все зависит от того, кому именно.

Теперь он посмотрел на меня уже прямо. Королева сделала вид, что не замечает. Король продолжал смотреть так, будто пытался решить, что именно изменилось и насколько это опасно.

Мне указали место в конце стола — достаточно близко, чтобы участвовать в унижении, и достаточно далеко, чтобы не считаться равной. Я села, расправила салфетку на коленях и только тогда заметила, что Кайрен занял место у стены, не среди гостей, а среди тех, кто здесь всегда присутствует как часть безопасности. Но его взгляд я чувствовала даже оттуда.

Первое время говорили о границе, поставках железа и каком-то мелком бароне, провалившем переговоры. Меня не

замечали нарочно. Это тоже было частью спектакля. Принцесса за столом есть, но ее как бы нет. Я молчала и слушала. Когда человека долго вычеркивают, он становится опасным именно тем, что начинает слышать больше положенного.

— Северные заставы требуют больше людей, — сказал Рейнард. — Или мы снова будем делать вид, что соседи уважают слабость.

— Слабость и глупость не одно и то же, — спокойно ответил король.

— Иногда разницы не видят, пока не поздно.

— Именно поэтому решение принимаю я.

Вот и семейная нежность.

Королева мягко вмешалась, переводя разговор на предстоящий бал в честь осеннего союза. Она говорила о нем как о празднике, но я сразу услышала под словами привычный политический привкус. Бал означал сделки. Помолвки. Выставление фигур напоказ.

— Аделине тоже стоит появиться, — сказала Илария. — Раз уж здоровье ее улучшилось.

Рейнард хмыкнул.

— Чтобы двор вспомнил, что у нас есть еще одна принцесса?

Король медленно поставил бокал.

— Двор помнит все, что ему следует помнить.

Фраза была сказана спокойно, но я уловила в ней предупреждение. Не им. Мне.

Я подняла взгляд.

— Тогда, вероятно, при дворе очень удобная память, ваше величество.

Тишина упала на стол мгновенно. Даже слуга, подливавший вино, замер на долю секунды.

Королева первой пришла в себя.

— Болезнь делает людей чувствительными.

— Или честными, — сказала я.

Рейнард откинулся на спинку стула, явно ожидая скандала и уже получая удовольствие. Король смотрел на меня неподвижно.

— Я вижу, ты действительно окрепла, Аделина.

Вот теперь это прозвучало почти лично. Почти.

— Возможно, потому что мне больше нечего терять, — ответила я.

Королева тихо поставила приборы.

— Не стоит превращать семейный ужин в место для странных намеков.

Я повернула к ней голову.

— Простите. Я только учусь вести себя как член семьи.

На этот раз Рейнард не сдержал смешка. Король перевел на него холодный взгляд, и тот тут же замолчал.

Ужин продолжился, но теперь меня уже не могли снова сделать пустым местом. Я чувствовала это почти физически. Одно неосторожное слово — и воздух изменился. Присутствие перестало быть формальностью. Я стала фактором.

Потом король сам заговорил со мной.

— Лекари утверждают, что тебе потребуется еще время для полного восстановления.

— Какое счастье, что мое состояние так тщательно обсуждали без меня.

— Ты всегда была склонна путать заботу с оскорблением.

Я посмотрела ему прямо в лицо. Вот оно. Не человек, мучимый виной. Человек, который давно привык оправдывать свое отчуждение тем, что так всем удобнее.

— А вы, ваше величество, кажется, никогда их не путали. Вам удивительно легко дается не замечать разницу.

Королева тихо вдохнула. Рейнард уставился уже с откровенным интересом. Король же изменился только в глазах. Они стали холоднее. Сталь вместо льда.

— После болезни тебе стоит больше отдыхать и меньше говорить.

— После долгого молчания это трудно.

Он выдержал паузу.

— Я распоряжусь, чтобы тебя снова осматривали ежедневно.

Вот оно. Не беспокойство. Контроль.

— Какая честь, — сказала я. — Теперь мне хотя бы будут регулярно напоминать, что я еще жива.

Стол снова замер. Король больше не ответил. Он просто вернулся к еде, и именно это было страшнее всего. Такой человек не срывается прилюдно. Он запоминает.

Когда ужин подошел к концу, я встала вместе со всеми. Королева пожелала мне спокойной ночи с той же безупречной мягкостью. Рейнард коротко кивнул, уже не скрывая, что теперь я его развлекаю. Король произнес лишь:

— Завтра ты останешься в своих покоях до нового распоряжения.

Я улыбнулась.

— Как скажете, ваше величество.

Но внутри уже знала: не останусь.

В коридор я вышла с прямой спиной. Только за дверями позволила себе один медленный вдох. Кайрен шагнул рядом почти бесшумно.

— Вы превзошли ожидания, — сказал он.

— Чьи? Ваши или короля?

— Всех.

— Тогда у вашего двора были очень скромные надежды на принцессу.

— У двора вообще давно не было на вас надежд.

— Пора их испортить.

Он посмотрел на меня сбоку. В свете факелов его лицо казалось еще жестче.

— Вы понимаете, что сделали?

— Да. Перестала быть удобной.

— Это здесь опасно.

— Быть ненужной, как я поняла, тоже не слишком безопасно.

Он ничего не ответил сразу. Мы дошли до поворота, где коридор темнел и шаги слуг уже не долетали.

— Король не любит неожиданностей, — сказал Кайрен тихо.

— А дочерей он любит?

Вопрос вырвался сам. Наверное, потому что после ужина во мне еще слишком сильно дрожала не боль, а ярость от того, как быстро чужая правда ложится поверх собственной старой раны.

Кайрен остановился.

— Я бы не советовал искать в нем то, чего он не умеет давать.

— Поздно. Я уже перестала.

Он смотрел на меня долго, будто проверял не слова, а то, насколько я в них настоящая. Потом медленно кивнул.

— Это может спасти вам жизнь, ваше высочество.

— А что ее погубит?

— Желание узнать, почему именно вас так долго держали в тени.

— Значит, я уже на верном пути.

В его взгляде впервые промелькнуло что-то похожее на мрачное одобрение.

— Именно этого я и опасался.

Он проводил меня до дверей покоев, но входить не стал. Только коротко склонил голову и ушел, оставив после себя ощущение, будто во дворце появился не союзник, а человек,

который слишком хорошо понимает цену моей дерзости.

Элиса встретила меня испуганными глазами.

— Ваше высочество… как прошло?

Я сняла перчатки и медленно положила их на стол.

— Теперь я точно знаю, что король не обрадовался моему возвращению.

— Мне жаль.

— Не стоит. Зато я перестала сомневаться.

Подойдя к окну, я долго смотрела на темный двор. В стекле отражалось новое лицо — бледное, красивое, почти чужое. Но выражение в глазах уже было моим. Я вспомнила, как король посмотрел на меня. Не как на дочь. Как на ошибку, которую прошлое зачем-то вернуло обратно.

И именно в этот момент внутри окончательно что-то встало на место.

Я больше не хотела заслужить его любовь. Пока нет. Слишком рано для такой чистоты. Но я уже точно хотела узнать, почему человек на троне смотрит на собственную дочь так, будто перед ним не кровь, а угроза.

А еще я знала: если меня так долго прятали, значит, причина стоит того, чтобы за нее убивали.

Глава 3. Меня пригласили на семейный ужин только для того, чтобы напо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.